

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

*Прекрасные
и проклятые*

Москва

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф66

Francis Scott Key Fitzgerald
THE BEAUTIFUL AND DAMNED

Перевод с английского языка *К. Савельева*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт.

Ф66 Прекрасные и проклятые / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; [пер. с англ. К. Савельева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-098127-4

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Плоть от плоти той легендарной эпохи, он отразил ее ярче и беспристрастнее всех. Эрнест Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Все мы помним потрясающий роман «Великий Гэтсби» и его блестящую экранизацию с Леонардо Ди Каприо в главной роли. В этот раз Фицджеральд знакомит нас с новыми героями «ревуших двадцатых» — блистательным Энтони Пэтчемом и его прекрасной женой Глорией. Дождаясь, пока умрет дедушка Энтони, мультимиллионер, и оставит им свое громадное состояние, они прожигают жизнь в Нью-Йорке, ужинают в лучших ресторанах, арендуют самое престижное жилье. Не сразу к ним приходит понимание того, что каждый выбор имеет свою цену — иногда неподъемную...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-098127-4

© Савельев К.А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается Шейну Лесли,
Джорджу Жану Натану
и Максвеллу Перкинсу
в благодарность за большую
литературную помощь и поддержку*

Победитель принадлежит трофеям¹.
Энтони Пэтч

---

¹ Автором пословицы «Трофеи принадлежат победителю» (To the victor belong the spoils) является сенатор-республиканец от Нью-Йорка Уильям Мэрси, который иронически употребил эту фразу по отношению к демократам в 1832 году (*прим. перев.*).

Книга I

ГЛАВА I ЭНТОНИ ПЭТЧ

В 1913 году, когда Энтони Пэтчу исполнилось двадцать пять лет, миновало два года с тех пор, как на него — по крайней мере теоретически — снизошла ирония, этот Дух Святой наших дней. Ирония была подобна финальной полировке туфель, последнему взмаху одежной щетки; она была чем-то вроде завершающего интеллектуального штриха. Однако к началу этой истории он еще не продвинулся дальше раннего сознательного этапа своей жизни. Когда вы впервые видите его, он часто задается вопросом, не является ли он бесчестным и слегка помешанным, постыдной и непристойной смазкой, блистающей на поверхности мира, как масляная пленка на чистом пруду. Разумеется, эти моменты перемежаются с другими, когда он считает себя довольно выдающимся молодым человеком, глубоко изощренным, отлично приспособленным к своему окружению и в чем-то более значительным, чем все остальные, кого он знает.

Таково было его нормальное состояние, и оно делало его жизнерадостным, приятным в общении и весьма привлекательным для умных мужчин и для всех женщин без исключения. В этом состоянии он полагал, что однажды совершит нечто тайное и утонченное, благодаря чему избранные сочтут его достойным. Тогда он пройдет испытание и присоединится к сонму неярких звезд в туманном и неопределенном небосводе на полпути между смертью и бессмертием. Пока не настанет время для испытания, он останется Энтони Пэтчем — не застывшим портретом, но целостной и динамичной личностью, самоуверенной, вы-

сокомерной, накладывающей свою волю на обстоятельства, — мужчиной, который знает о бесчестии, но обладает честью, знает софистику мужества, но обладает храбростью.

ДОСТОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ОДАРЕННЫЙ СЫН

Энтони черпал уверенность в своем общественном положении из надежного источника, будучи внуком Адама Дж. Пэтча, и способности возвести свою родословную к заморским крестоносцам. Это было неизбежно: невзирая ни на какие положения общественного договора, виргинцы и бостонцы принадлежали к аристократии, основанной исключительно на деньгах и принимающей богатство как должное.

Адам Дж. Пэтч, более известный как «Сердитый Пэтч», оставил отцовскую ферму в Территауне в 1861 году и зачислился в Нью-йоркский кавалерийский полк. Он вернулся с войны в звании майора, штурмовал Уолл-стрит и посреди большой шумихи, раздражения, рукоплесканий и недоброжелательства выкроил себе состояние примерно в семьдесят пять миллионов долларов.

Он посвящал свои силы этому занятию до пятидесяти семи лет. Затем, после острого приступа склероза, он решил посвятить остаток своей жизни нравственному возрождению мира. Он стал реформатором из реформаторов. В подражание блистательным усилиям Энтони Комстока¹, в честь которого его внук получил свое имя, он нацелил внушительную батарею апперкотов и ударов по корпусу на алкоголь, литературу, аморальное поведение, живопись, патентованные лекарства и воскресные театры. Под вли-

---

¹ Энтони Комсток (1844–1915) — ревностный борец за нравственность, в юности едва не покончивший с собой из-за постоянного рукоблудия. Основал «Общество борьбы с пороком» под лозунгом «Нравственность выше искусства». Хвастался, что сжег 60 тонн запрещенных книг. В его честь был назван «Закон Комстока», действовавший в США до 1960 года (*прим. перев.*).

янием той коварной плесени, которая в итоге покрывает все умы, кроме немногих, он яростно обрушивался на все, что вызывало его негодование. Из своего кресла в кабине его поместья в Территауне он вел кампанию против чудовищного воображаемого врага под названием «нечестивость» — кампанию, продолжавшуюся пятнадцать лет, за время которой он показал себя оголтелым маньяком, несравненным занудой и невыносимым ханжой. В тот год, когда начинается эта история, он начал выдыхаться: его кампания стала беспорядочной, 1861 год постепенно затмевал 1895-й, а его мысли в основном были сосредоточены на Гражданской войне, в меньшей степени — на покойной жене и сыне и почти никогда — на его внуке Энтони.

На раннем этапе своей карьеры Адам Пэтч женился на худосочной тридцатилетней даме Алисии Уизерс, которая принесла ему сто тысяч долларов и обеспечила безукоризненный доступ в банкирские круги Нью-Йорка. Почти немедленно и довольно отважно она родила ему сына и, совершенно обессилев от этого подвига, ступала в сумрачных пределах детской комнаты. Мальчик, Адам Улисс Пэтч, стал завсегдатаем множества клубов, ценителем хорошей физической формы и любителем ездить на тандеме. В поразительном возрасте двадцати шести лет он приступил к сочинению мемуаров под названием «Нью-Йоркское высшее общество моими глазами». Слухи о его замысле вызвали живейший интерес среди издателей, но, как выяснилось после его смерти, сочинение было неуместно многословным и чрезвычайно скучным и не удостоилось даже частной публикации.

Этот достойный отпрыск Пятой авеню женился в двадцать два года. Его женой была Генриетта Лебрюн, «контральто бостонского света», и единственный плод их союза по настоянию его деда получил имя Энтони Комсток Пэтч. Когда Комсток отправился в Гарвард, он отправил среднюю часть своего имени в бездну забвения, и впоследствии о ней никто не слышал.

Молодой Энтони имел один совместный портрет своего отца и матери, который в детстве так часто попадался ему на глаза, что приобрел безликое качество мебели, но каждый, кто входил в его спальню, с интересом разглядывал картину. На портрете был изображен щеголь 1890-х годов, худощавый и симпатичный, стоявший рядом с высокой темноволосой дамой с меховой муфтой и намеком на турнюр. Между ними находился маленький мальчик с длинными и кудрявыми каштановыми волосами, одетый в бархатный костюм à la лорд Фаунтлерой¹. Это был пятилетний Энтони в тот год, когда умерла его мать.

Его воспоминания о «контральто бостонского света» были расплывчатыми и музыкальными. Она пела, пела и пела в музыкальной комнате их дома на Вашингтонсквер, иногда с гостями, собравшимися вокруг нее, — мужчины со скрещенными на груди руками затаив дыхание балансировали на краешках диванов; женщины с руками, сложенными на коленях, иногда обращались к мужчинам тихим шепотом и всегда энергично аплодировали и издавали воркующие возгласы после каждого исполнения. Она часто пела только для Энтони по-итальянски, по-французски или на странном и жутковатом диалекте, который она сама считала негритянским языком Юга.

Его воспоминания о галантном Улиссе, первом мужчине в Америке, который стал закатывать отвороты своего пиджака, были гораздо более яркими. После того как Генриетта Лебрюн Пэтч «присоединилась к иному хору», как время от времени хриплым от волнения голосом замечал ее вдовец, отец и сын жили у его деда в Территауне, где Улисс ежедневно заходил в детскую комнату Энтони и заводил приятные, густо пахнущие речи, иногда продолжавшиеся в течение часа. Он постоянно обещал Энтони поездки на охоту и рыбалку, экскурсии в Атлантик-Сити — «о, теперь уже скоро», — но ни одно обещание так и не материализо-

---

¹ «Маленький лорд Фаунтлерой» — детский роман Фрэнсис Ходжсон Бернетт, опубликованный в 1886 году (*прим. перев.*).

валось. Одна поездка все же состоялась: когда Энтони исполнилось одиннадцать лет, они отправились за границу, в Англию и Швейцарию, и там, в лучшем отеле Люцерна, его отец умер весь в поту, со стонами и мольбами дать ему больше воздуха. В панике, отчаянии и ужасе Энтони был доставлен в Америку, где обвенчался со смутной меланхолией, которая осталась с ним до конца его жизни.

ПРОШЛОЕ И ЛИЧНОСТЬ ГЕРОЯ

В одиннадцать лет он испытал ужас смерти. За шесть лет впечатлительного детства его родители умерли, а его бабушка неощутимо становилась все более бесплотной, пока, впервые с начала своего супружества, не приобрела на один день безусловное господство в своей гостиной. Поэтому для Энтони жизнь была схваткой со смертью, поджидавшей за каждым углом. Привычка читать в постели была уступкой его мнительному воображению; это утешало его. Он читал до изнеможения и часто засыпал при включенном свете.

Его любимым увлечением была коллекция марок: огромная и настолько всеобъемлющая, насколько это было возможно для мальчика. Дед простодушно считал, что это занятие научит его географии, поэтому Энтони переписывался с полудюжиной компаний, специализировавшихся на филателии и нумизматике, и редкий день обходился без доставки новых кляссеров или пакетов с блестящими листами согласования¹. В бесконечном переключении своих приобретений из одного альбома в другой заключалось некое таинственное очарование. Марки были его величайшей радостью, и он раздраженно косился на каждого, кто прерывал его игры с ними; они пожирали его ежемесячные

---

¹ Лист согласования — филателистический термин для обозначения плотных листов бумаги, картона, пластика альбомного размера, к которым прикреплены выставляемые на продажу филателистические материалы. Предназначен для демонстрации товара и согласования с выбором покупателя (*прим. перев.*).

карманные деньги, и ночами он лежал без сна, неустанно предаваясь мечтательным размышлениям об их разнообразии и многоцветном великолепии.

В шестнадцать лет он почти безраздельно существовал в своем внутреннем мире, молчаливый юноша, совершенно непохожий на американца, вызывавший вежливое недоумение у своих сверстников. Два предыдущих года он провел в Европе с частным учителем, который убеждал его, что Гарвард будет лучшим выбором, который «откроет двери», послужит великолепным душевным тоником и подарит ему множество верных и самоотверженных друзей. Поэтому он поступил в Гарвард; у него просто не оставалось логического выбора.

Безразличный к общественным условностям, он некоторое время жил в одиночестве и безвестности в одной из лучших комнат Бек-Холла: стройный темноволосый юноша среднего роста с застенчивым, чутким ртом. Его денежное содержание было более чем щедрым. Он заложил основу личной библиотеки, когда приобрел у странствующего библиофила первые издания Суинберна, Мередита и Томаса Харди, а также пожелтевшее неразборчивое письмо с подписью Китса, впоследствии обнаружив, что его бессовестно обчистили. Он стал изысканным шеголем, собравшим патетичную коллекцию шелковых пижам, парчовых халатов и слишком вычурных галстуков, непригодных для выхода в свет. В этом тайном убранстве он расхаживал перед зеркалом в своей комнате или лежал на кушетке у окна в атласном белье, глядя во двор и смутно различая напряженный шум внешней жизни, в которой, казалось, ему никогда не найдется места.

На последнем курсе он с легким удивлением обнаружил, что завоевал определенную популярность у однокурсников. Он узнал, что его рассматривают как весьма романтическую фигуру, как ученого отшельника или столпа мудрости. Это забавляло, но втайне радовало его, и он начал выходить в свет — сначала понемногу, потом все

чаще. Он вступил в Пудинг-клуб¹. Он пил, не выставляя это напоказ, но в полном соответствии с традицией. О нем говорили, что если бы он не поступил в колледж в таком юном возрасте, то мог бы добиться «чрезвычайных успехов». В 1909 году, когда он окончил Гарвард, ему было всего лишь двадцать лет.

Потом снова за границу, на этот раз в Рим, где он поочередно баловался архитектурой и живописью, брал уроки игры на скрипке и писал ужасающие итальянские сонеты, предположительно, размышления монаха XIII века о радостях созерцательной жизни. Среди его гарвардских знакомых прошел слух, что он находится в Риме, и те из них, которые в том году находились в Европе, вскоре навестили его и во время многочисленных экскурсий под луной разведали большую часть города, который был старше эпохи Возрождения и даже Римской республики. К примеру, Мори Нобл из Филадельфии оставался с ним два месяца; вместе они распробовали своеобразное очарование латинянок и испытали восхитительное ощущение собственной молодости и свободы в древней и свободной цивилизации. Многие знакомые деда наносили ему визиты, и будь у него желание, он мог бы стать *persona grata* в дипломатических кругах. Он и впрямь обнаружил в себе растущую склонность к непринужденному общению, но долгая подростковая отчужденность наряду с развившейся застенчивостью все еще влияли на его поведение.

Он вернулся в Америку в 1912 году из-за внезапной болезни деда и после чрезвычайно утомительного разговора с постепенно выздоравливающим стариком решил отложить идею постоянного проживания за рубежом до смерти последнего близкого родственника. После долгих поисков

---

¹ Имеется в виду «Клуб быстрого пудинга», основанный Хорасом Бинни в 1795 году для студентов и выпускников Гарварда. Каждую неделю два члена клуба, выбранные в произвольном порядке, должны готовить импровизированный пудинг для остальных. Это старейший студенческий клуб в США; его членами были четыре президента, включая Рузвельта и Кеннеди (*прим. перев.*).

он снял квартиру на Пятьдесят Второй улице и вроде бы немного остепенился.

В 1913 году процесс согласования Энтони Пэтча с окружающим миром находился на завершающей стадии. Его наружность со студенческих дней претерпела изменения к лучшему: он по-прежнему был слишком худым, но раздался в плечах, а его лицо утратило испуганное выражение первокурсника. Он питал тайную страсть к порядку и всегда одевался с иголки: его друзья утверждали, что никогда не видели его непричесанным. Его нос был слишком острым, а рот — злополучное зеркало настроения — кривился уголками вниз в моменты уныния, зато голубые глаза выглядели чарующе, светились ли они умом или были полужакрыты в выражении меланхолического юмора.

Будучи одним из людей, лишенных симметричных черт, присущих арийскому идеалу, он тем не менее считался симпатичным юношей. Более того, он внешне и на самом деле был очень чистым, — той особенной чистотой, которая происходит от красоты.

БЕЗУПРЕЧНАЯ КВАРТИРА

Пятая и Шестая авеню казались Энтони стойками гигантской лестницы, простиравшейся от Вашингтон-сквер до Центрального парка. Поездка на верхнем этаже автобуса из центра города к Пятьдесят Второй улице неизменно вызывала у него ощущение подъема по длинному ряду ненадежных перекладин, и когда автобус останавливался на его собственной перекладине, он испытывал нечто сродни облегчению, спускаясь на тротуар по шатким металлическим ступеням.

После этого ему оставалось пройти полквартила по Пятьдесят Второй улице мимо громоздкого семейства особняков с отделкой из бурого песчаника, а потом он мигмом оказывался под высоким потолком своей огромной гостиной. Это было замечательно. Здесь, в конце концов,

начиналась настоящая жизнь. Здесь он завтракал, спал, читал и развлекался.

Сам дом был построен в девяностые годы из мрачно-го камня; в ответ на растущую потребность в небольших квартирах каждый этаж был тщательно реконструирован и сдавался отдельно. Из четырех квартир апартаменты Энтони, расположенные на втором этаже, были наиболее желанными.

В передней гостиной был прекрасный высокий потолок и три больших окна с приятным видом на Пятьдесят Вторую улицу. В своей обстановке она благополучно избежала принадлежности к какому-то определенному периоду; в ней не было чопорности, захламенности, аскетизма или декаданса. В ней не пахло ни дымом, ни благовониями; она казалась возвышенной и неуловимо меланхоличной. Там имелась глубокая кушетка, обитая мягчайшей коричневой кожей, над которой туманной дымкой реял дух дремоты. Там стояла высокая ширма с китайской лаковой росписью, покрытая геометрическими образами рыбаков и охотников в черном и золотом цвете; она отгораживала угловой альков с вместительным креслом под охраной торшера с оранжевым абажуром. Герб в четырех четвертях, расположенный на задней стенке камина, закоптился до сумрачной черноты.

Миновав гостиную, которая, поскольку Энтони только завтракал у себя дома, оставалась всего лишь блестящей потенциальной возможностью, и пройдя по сравнительно длинному коридору, вы приближались к средоточию квартиры: спальне и ванной Энтони.

Обе комнаты были громадными. Под потолком первой даже величественная кровать с балдахином, казалось, имела средние размеры. Экзотический ковер из алого бархата на полу был мягким, как овечье руно, под его босыми ногами. По контрасту с довольно напыщенной спальней его ванная комната была нарядной, яркой, чрезвычайно удобной и даже слегка игривой. На стенах висели обрамленные фотографии четырех прославленных театральных красавиц